

Не прошло и нескольких дней, как наступили длинные выходные по случаю 1 октября. Как и полагается в праздник в честь процветания великой матери-Родины, ученики средних школ пребывали в состоянии полнейшего восторга, ликования и неопишуемой радости.

— В пятом классе уже задали домашку на праздники, мой друг сейчас как раз сел за неё!

— Серьезно?! Интересно, когда старый Тан задаст нам? Если бы можно было обойтись без заданий на эту неделю, я бы даже десять контрольных за раз сделал!

— Мечтай больше. Скорее всего, каждый учитель задаст по десять штук, итого девяносто!

— Черт, не может же быть всё так плохо?!

Хотя до каникул оставалось еще два дня, в 10-м «Г» классе уже вовсю кипела жизнь: школьники наперебой обсуждали свои планы на отдых, в кабинете стоял невообразимый галдеж.

В самый разгар этого шума в заднюю дверь проскользнула девочка с косичками.

— Ты чего крадешься? — Янь Минъюй, стоявшая у кулера, не удержалась и преградила путь Чжоу Цзяи, которая вела себя как заправская воровка.

— Тс-с... — Чжоу Цзяи потянула её к парте, усадила, а затем вытащила из-за пазухи целый пакет конфет. — Сегодня же выборы в актив класса, я специально из дома принесла. Папа из командировки привез импортные молочные конфеты, хочу раздать всем, чтобы задобрить!

— Ребята, давайте поаплодируем! — раздались хлопки.

Человек перед ней на мгновение удивилась:

— А?

— Цин... Цинсюй.

— Ты к кому?

В итоге выборы прошли успешно. Ребятам пришлось по душе дружелюбные кандидаты, и в конце концов Чжан И утвердили старостой и учебным сектором, Чжоу Цзяи — организационным сектором, а Ян Цзе — ответственным за дисциплину.

— Ладно-ладно, как скажешь!

Доделав уроки и потренировавшись в скетчинге, она подняла голову и увидела, что настенные часы показывают девять.

— Старшеклассникам урезают выходные вдвое, что уж говорить о вечерних занятиях? Сегодня

мне сидеть до девяти тридцати.

Это был классный руководитель второго класса.

Маленькая конфетка лежала на столе. Синяя обертка напомнила Янь Миньюй о тех самых первых молочных конфетах, что она попробовала в детстве. Она улыбнулась, взяла конфету и положила в карман. Чжоу Цзяи, заметив это, удивилась:

— Почему не ешь? Они же очень вкусные!

Хотя за столько дней они сблизились, Янь Миньюй всё еще чувствовала себя неуютно. Она понимала, что живет в чужом доме, и старалась лишней раз не доставлять хлопот, не говоря уже о том, чтобы тратить деньги Цинсюй. Лучше уж приготовить что-нибудь самой в квартире.

— Это знак внимания!

— Подкупаешь одноклассников? — проходящий мимо пухлый парень бросил на неё взгляд, полный понимания.

— У вас-то уроки закончились, а нам еще на вечерние сидеть!

— Понятно... — Янь Миньюй кивнула и помахала Цинсюй на прощание.

На лице Янь Миньюй отразилось нескрываемое разочарование. Цинсюй вздохнула и потянулась, чтобы поправить ей выбившийся из-под воротника локон:

— Янь-Янь, иди домой. В ящике стола есть карманные деньги, можешь сходить куда-нибудь поужинать, не голодай.

Чжоу Цзяи бросила на парня сердитый взгляд и снова сунула под нос Янь Миньюй черновик своей речи:

— Сяо Янь, посмотри, как тебе?

Янь-Янь редко приходила к ней сама, а сегодня вот решила дождаться, чтобы пойти домой вместе. Цинсюй, конечно, не хотела гасить её энтузиазм, но...

— Привет всем, я Чжоу Цзяи, можно просто Ибао! Я хочу баллотироваться в организационный сектор, я очень общительная и жизнерадостная... А еще я принесла конфеты, каждый может взять по две, они очень вкусные!

Эх.

Учитель Юй заметила её. Десятки глаз устремились к дверям, словно охотники, обнаружившие добычу — с таким же любопытством и азартом. Янь Миньюй, растерявшись, крепче сжала лямки рюкзака и приподнялась на цыпочки, заглядывая внутрь.

Янь Миньюй что-то пробормотала, сложила принадлежности для рисования и направилась на кухню.

Пришлось идти домой одной.

Свет горел ярко, и она так увлеклась делами, что не заметила, как пролетело почти пять часов.

— Я только что одну съела, эти две возьму домой.

— Ой, да я просто хочу потренироваться!

— Янь-Янь? Ты чего пришла?

Янь Миньюй молча выслушала её, исправила пару нескладных фраз и заодно успокоила:

— Не переживай, не обязательно быть такой официальной.

— Поздравляю!

Она ведь так хотела, чтобы сегодня уроки закончились пораньше, чтобы они с Цинсуй вместе поужинали, погуляли... и еще она хотела угостить её той конфетой, что дала Чжоу Цзяи... О, точно! Она же еще не отдала сестре конфету!

Сварить лапшу она вполне могла. Главное — набить желудок.

Цинсуй отвела её в коридор, подальше от любопытных глаз. Оставшись наедине с Цинсуй, Янь Миньюй наконец расслабилась. Она моргнула, и на её лице засияла радость.

— Спасибо, Ибао.

— Я пришла дожидаться тебя, чтобы пойти домой!

Настроение девушки было написано на лице, отражалось в уголках глаз — словно весенний ветерок или ласковый дождь, ничего не скрыть.

Вернувшись на место, Чжоу Цзяи просияла, услышав поздравления подруги, и снова пошарила в кармане:

— Бонус для соседки по парте!

— Поздно уже...

Из-за переноса выходных занятий вечером не было. Сразу после уроков Янь Миньюй с рюкзаком за спиной отправилась в корпус старших классов, чтобы дожидаться Цинсуй. Но у дверей кабинета 12-го «Б» она увидела женщину лет пятидесяти, стоявшую у кафедры.

Янь Минъюй нащупала в кармане конфету и хотела окликнуть её, но Цинсюй уже вошла в класс.

Вскоре задвигалось кресло у окна, и Цинсюй вышла. Она выглядела удивленной, видимо, не ожидала увидеть Янь Минъюй.

Кухня была крошечной, но оборудованной всем необходимым. Кухонная утварь стояла в идеальном порядке — сразу видно, что хозяйка любит чистоту и организованность.

— Соевый соус, соль, приправа... — перечисляя про себя ингредиенты, Янь Минъюй зажгла конфорку.

Как только она нашла лапшу и вода в кастрюле начала закипать, в спальне зазвонил телефон.

Янь Минъюй побежала на звук. Телефон звонил настойчиво, но она никак не могла его найти. Вибрация в замкнутом пространстве действовала на нервы. Постояв у кровати, она наконец нашла источник звука.

Заглянув в один из ящиков тумбочки, она увидела телефон.

Номер был незнакомый.

Не успела она ответить, как звонок оборвался.

Перезвонить?

Глядя на экран блокировки, Янь Минъюй заколебалась, но решила дождаться Цинсюй. Если это было что-то важное, наверняка позвонят еще раз.

Положив телефон обратно в ящик, она заметила, что там лежит много разного: стикеры, линейки, упаковки ручек... и в самом углу — несколько коробочек с лекарствами. На них была приклеена записка.

Там было написано: Бензодиазепины.

Это что... лекарства Цинсюй?

Янь Минъюй подавила шок и молча закрыла ящик. Лекарства — это личное, лучше ей туда не лезть.

Вернувшись на кухню, она побросала лапшу в кипяток и застыла, глядя на бурлящую воду. Она взяла совсем немного, как раз на одну порцию. Пузырьки поднимались со дна, лопааясь белой пеной.

Стоило ей отвлечься, как за окном сверкнула ослепительная вспышка, а следом грянул гром.

— Бабах!

Звук был такой, будто взорвалось прямо перед ней. Янь Минъюй показалось, что внутри головы что-то зазвенело.

Дождь?

После дня осеннего равноденствия ночи становились длиннее, а холода наступали быстро. Этот дождь казался серьезным, словно он ставил точку в уходящем лете, открывая дорогу осенним холодам. К тому же в Сичэне, где дожди — обычное дело, они часто начинались внезапно.

В квартире было всего два зонта: один в рюкзаке у Янь Минъюй, а второй, который должен был быть у Цинсюй, лежал в прихожей.

Беда! Сестра без зонта!

Заметив, что в кухню уже залетают капли дождя, Янь Минъюй бросилась к плите, выключила огонь, даже не успев выловить лапшу, схватила зонт и выбежала из квартиры. На часах было 21:35.

Цинсюй должна была уже выйти из школы.

До школы минут десять пешком, кто знает, где она сейчас...

Янь Минъюй помчалась в темноту, сжимая в руках зонт.

Цинсюй исполнилось восемнадцать. Она была уже взрослой, но хранила множество секретов, о которых не могла рассказать. Например... она боялась грома. Строго говоря, пугал её не сам грохот, а предвестник — ослепительная вспышка молнии. На долю секунды она высвечивала всё небо, и казалось, никакая тьма не могла устоять перед этой мощью.

Но этот свет не был теплым. Он был мертвенно-бледным и пугающим.

Раньше, когда она жила одна, в грозу она наглухо закрывала окна и задерживала шторы так, чтобы не было ни щелочки. Но даже тогда звук проникал внутрь, и воображение рисовало страшные картины: кто-то появляется прямо в молнии, стоит перед окном и следит за ней.

В комнате было пугающе тихо, Цинсюй слышала собственное сердцебиение, казалось, во всем мире осталась только она одна. Поэтому она привыкла спать с включенным светом — пока в комнате светло, ей было не так страшно.

В тяжелые моменты у неё начинались проблемы с дыханием, сердце колотилось, руки дрожали... требовались лекарства. Всё это — эхо детских травм. Но со временем Цинсюй стала менее чувствительна к грозе, и если удавалось переключить внимание, паника отступала.

Цинсюй бежала под дождем, про себя повторяя Сяо Яо Ю, чтобы отвлечься.

— Дождь пошел! Дабао, Эрбао, быстро домой! — кричала женщина у подъезда. Двое детей, игравших на площади, нехотя расставались с друзьями.

— Сейчас, мы в прятки играем!

— Какие еще прятки, марш домой, а то задам вам!

Цинсюй замерла. Её мышцы напряглись, выученный текст мгновенно вылетел из головы. В голове осталась лишь одна фраза: «Давай поиграем в прятки?»

«Почему ты не сказала папе, что мы играем в прятки...»

— Бабах!

Гром грянул совсем рядом, словно у самых ног. Мимо пронеслись двое детей, закрывая уши и крича от страха: «Мама!»

Цинсюй смотрела на свой подъезд, но ноги словно налились свинцом — она не могла сделать ни шага. В груди будто застрял огромный камень, дышать стало трудно, силы мгновенно покинули её. Она опустилась на корточки, прислонившись к стене, не обращая внимания на дождь, мочащий волосы. Она чувствовала, как падает в бездну, а тело сковывает ледяной холод.

Боль. Страх. Напряжение. Удушье.

Давно забытое чувство приближающейся смерти накрыло её снова. Руки неконтролируемо дрожали, в горле стоял ком. Она сжалась в углу, обхватив голову руками, закрыв глаза и перестав воспринимать окружающий мир.

— Цинсюй!

Янь Минъюй, спустившись вниз и увидев её под дождем, почувствовала, как сердце пронзила острая боль. Она подбежала и раскрыла над ней зонт.

— Что случилось? Тебе плохо?

Видя, что Цинсуй молчит, а её лицо стало мертвенно-бледным, она вскрикнула:

— Сестра? Сестра!

Жильцы нижнего этажа, услышав шум, начали выглядывать из окон. Добрая соседка выбежала под дождь, чтобы проверить, что происходит.

— Может, уровень сахара упал? — предположил кто-то.

Сахар?

— У кого есть конфеты? Дайте девочке!

Янь Минъюй вспомнила про конфеты в кармане и поспешно их достала:

— У меня есть! У меня!

Её пальцы дрожали, и то, что обычно занимало секунду, растянулось на пять. Она вложила крошечную конфету в рот Цинсуй. Кончики её пальцев на мгновение коснулись губ, и от мягкого прикосновения в голове Янь Минъюй на миг стало пусто.

— Может, в больницу? Девочке совсем плохо!

— У меня машина рядом, давайте отвезу?

Соседка уже собиралась помочь Цинсуй подняться, но та вдруг крепко схватила Янь Минъюй за руку. Янь поняла её без слов, наклонилась, и услышала едва слышный шепот:

— Домой... мне нужно... лекарство...

— Точно не в больницу? — Янь Минъюй была на грани паники.

— Домой...

— Хорошо, хорошо, я помогу! — Янь Минъюй подхватила её, даже не успев поблагодарить соседей. — Извините, я отведу сестру домой, ей нужно лекарство!

— Справишься, деточка? Аккуратнее, не упадите!

Только когда несколько белых таблеток были запиты водой, Цинсуй будто ожила.

Коробочки с лекарствами лежали на столе, и Янь Минъюй, не отводя глаз, спросила:

— От чего это?

— Тревожное расстройство и ПТСР.

Цинсуй опустила взгляд. Лицо оставалось бледным, но уже не таким, словно она была на пороге смерти.

— ПТСР? Посттравматическое стрессовое расстройство... Что же пришлось пережить Цинсуй, раз ей нужны лекарства?

Янь Минъюй бросило в холодный пот. Казалось, Цинсуй совсем не такая оптимистичная, какой хочет казаться. Её сила была вынужденной. Но раз Цинсуй больше ничего не сказала, Янь не стала расспрашивать дальше — не хотелось беречь старые раны.

— Ты еще не ужинала? — Цинсуй вспомнила, как видела в кастрюле разбухшую лапшу, когда заходила за стаканом. Видимо, Янь-Янь начала готовить, но увидев дождь, сразу побежала с зонтом.

— Нет, но я не голодна. Не хочется.

Она и правда перебила аппетит, а после такого испуга о еде и думать не хотелось. Янь Минъюй смотрела на мокрые пряди волос Цинсуй, спадающие на плечи, и вдруг подумала, что в этом есть какая-то болезненная красота. Её тонкие губы, четкие линии... она всё еще чувствовала то теплое прикосновение на кончиках пальцев.

— А?

— Я говорю, — повторила Цинсуй, — конфеты очень сладкие.

— Хочешь еще? У меня осталась одна... — Янь Минъюй залезла в карман и положила конфету ей на ладонь.

Цинсуй промолчала, развернула фантик и вдруг сама вложила конфету в рот Янь Минъюй. Холодные влажные пальцы коснулись её губ, оставив эфемерный след. Уши Янь Минъюй покраснели.

— Ты не ужинала. Это тебе.

Янь Минъюй застыла, рассасывая конфету. Ей казалось, она тонет в нежном, как вода, взгляде Цинсуй. Как в глазах может быть столько нежности?

— Сестра, ты помнишь, как в первый раз угостила меня конфетой?

— Что?

— ...Ничего.

Она облизнула губы, отвела взгляд и пошла на кухню:

— Я помою кастрюлю, а ты иди умывайся и ложись отдыхать!

Цинсуй смотрела ей вслед с улыбкой.

Эта девочка... кажется, она такая стеснительная.

Посмотрев на фантик от конфеты, Цинсуй аккуратно убрала его в ящик стола.

<http://bllate.org/book/18854/1838546>